

Владимир Ильич любил и высоко ценил произведения А. П. Чехова.

«...Помню, как он прямо восхищался стилем этого писателя, в котором с такой удивительной гармонией сочетались высокая жизненная правда, простота и точность художественного языка», — писал Г. М. Кржижановский, вспоминая «блестящую оценку, данную Лениным творениям А. П. Чехова».

«...Что это за нов-я пьеса Чехова «Три сестры»? Видели ли ее и как на-шли?» — спрашивает Ленин в феврале 1901 года родных в одном из писем из-за границы. Пройдет, однако, восемна-дцать лет, пока он получит возмож-ность самолично убедиться в том, как играют «художники» Чехова.

«Ходили мы с ним как-то еще на «Дядю Ваню», ему понравилось», — вспоминала впоследствии Н. К. Круп-ская. Красноречивым дополнением к этим словам может служить рассказ артиста МХАТ Н. А. Подгорного, кото-рому посчастливилось встретить Вла-димира Ильича на этом спектакле:

«...Сначала я даже немного сконфу-зился и растерялся от сознания, что Владимир Ильич пришел к нам в театр на «Дядю Ваню», на спектакль, кото-рый многие считали ненужным совет-скому зрителю. Но Ленин как-то по-особенному взглянул на меня, и напря-женность сразу исчезла. Я подошел, поздоровался, назвал себя. Затем не-много погодя спросил:

— Владимир Ильич, не скучно ли вам смотреть спектакль?

— Скучно? — отвечал он. — Нет, что вы! Замечательный автор, замечатель-ные слова, замечательные артисты!..»

Это высказывание В. И. Ленина имеет неизмеримо больший смысл, чем мож-жет показаться на первый взгляд. Не случайно признание Н. А. Подгорного, что он растерялся, увидев Владимира Ильича на спектакле, «который многие считали ненужным советскому зри-телю».

Нужен ли Чехов? Этот вопрос в то время широко дебатировался на стра-ницах печати и не всегда в пользу Че-хова. С утверждением в репертуаре МХТ «Дяди Вани», ставшего в 1919 — 1920 годах самым популярным из че-ховских спектаклей театра, эта пьеса Чехова, как и ставивший ее театр, по-падают под особенно ожесточенный об-стрел представителей «левых» течений.

Было бы несправедливо обвинять в

отстаивании такого взгляда одних дея-телей «левого фронта». Нет, строй вольных или невольных их союзников по вопросу о «несвоевременности» Че-хова был гораздо шире. Он включал в себя тогда даже такого неустанный пропагандиста культурного наследия, как Горький. Примечателен «спор» между Лениным и Горьким, невольным свидетелем которого явился весной 1919 года Василий Иванович Качалов.

Митинг-концерт в Колонном зале До-ма союзов. «В артистической комнате оживление, — рассказывает Качалов, — В. И. Ленин с Горьким. Алексей Мак-симович поворачивается ко мне и го-ворит: «Во!, спорю с Владимиром Ильичем по поводу новой театральной публики. Что новая театральная публи-ка не хуже старых театралов, что она внимательнее — в этом спора нет. Но что ей нужно? Я говорю, что ей нужна только героиня. А вот Владимир Ильич утверждает: ...нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда...».

В конце тридцатых годов мне дове-лось услышать рассказ об этой беседе непосредственно от самого Качалова. Сопоставляя тогда же сделанную за-пись его рассказа с печатными публи-кациями, вновь убеждаешься, как от-ветственно относился Василий Ивано-вич к воссозданию малейшей детали, отбрасывая то, в чем не уверен. Что касается слов Ленина о том, что ново-му зрителю нужны и лирика, и Чехов, и житейская правда, — они запомнились Василию Ивановичу особенно ясно:

— Это ж было то, во что я верил, как же мог я их не запомнить, не по-радоваться им...

Дошли до нас и свидетельства о вы-соких оценках Лениным постановок Ху-дожественного театра «Село Степанчи-ково», «На всякого мудреца довольно простоты», «Дядя Ваня». Возможно, что непосредственные впечатления от про-смотра названных спектаклей в окру-жении «новой публики» как раз и ска-зались в той беседе, явились поводом для утверждения: «...Нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская прав-да...»

Тем самым утверждалась необходи-мость многообразия художественного творчества, призванного откликаться — даже в самые суровые и героические времена — на все струны и запросы человеческой души. Тем самым вновь говорилось об общественной обязан-ности мастеров искусства сделать до-стоянием новой демократической ауди-тории богатства культуры прошлого во

Издательство «Искусство» выпускает к пятидесятилетию Октябрьской рево-люции книгу Сим. Дрейдена «В зри-тельном зале — Владимир Ильич». На основании малоизвестных документов, воспоминаний современников, материа-лов прессы прошлых лет автор восста-навливает образы спектаклей и концер-тов, на которых в редкие часы досуга бывал В. И. Ленин. В публикуемом от-рывке мы видим Владимира Ильича на спектаклях Художественного театра.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НА СПЕКТАКЛЕ «ДЯДЯ ВАНЯ»

Сим. ДРЕЙДЕН

всем многообразии оттенков «старого» — «истинно прекрасного».

А следовательно, этим самым вновь находила убежденную поддержку Лени-на репертуарная линия Московского Художественного театра, которую руко-водители театра считали в это время для себя наиболее верной, единственно возможной, могущей наиболее успешно ответить велениям времени.

К сожалению, существующая литера-тура о театре, при всех ее больших до-стоинствах, совершенно не касается этой интереснейшей страницы сцениче-ской истории «Дяди Вани». Если судить по литературе, история этого мхатов-ского спектакля оборвалась задолго до революции, в 1913 году, и он вновь вы-шел на орбиту лишь в конце сезона 1918/19 г. — 4 июня 1919 г.

Между тем, еще в декабре 1918 года

спектакль уже дважды исполнялся, поч-ти в том же составе, в каком шел ког-да-то на премьере (К. С. Станиславский, О. Л. Книппер, М. П. Лилина, А. Л. Вишневский, В. В. Лужский, Н. С. Буто-ва), на выездных спектаклях в Поли-техническом музее, и, судя по газет-ным извещениям и архивным материа-лам, до того как в июне 1919 года возник на сцене в Камергерском переул-ке, уже был сыгран 28(!) раз — и в районных рабочих театрах, и в поме-щении Студии театра, и в «Летучей мы-ши». Никаких отметок об этом в ре-жиссерских дневниках МХТ нет, хотя спектакли эти представляли чрезвычай-ный принципиальный интерес.

«...Художественный театр возобновил «Дядю Ваню» Чехова, — читаем в откли-ке «Вечерних известий Московского Совета» на одно из таких выступлений, —

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И НАПИСАНИЕ ПЬЕСЫ
Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

16 СЕН 1967

в Пресненском районном театре (был в «Альказар» — ныне там играет «Современники»). Чеховское сейчас отодвигается в историю. Но в «Дяде Ване» есть что-то связывающее эту пьесу с правдой наших дней, и зрительная зала, переполненная учащейся молодежью и рабочими, чрезвычайно внимательно следила за пьесой, в которой были заняты лучшие силы Художественного театра».

Эти давние газетные сообщения о том, как принимался Чехов новой, массовой аудиторией, позволяют вдвойне оценить всю обоснованность ленинских высказываний об интересах и потребностях новой публики.

Каким был, однако, реальный облик этого спектакля, неожиданно в преддверии девятнадцатого года вновь вошедшего в репертуар театра?

Первый ориентир к ответу — письма Станиславского, относящиеся к тому времени. Перед нами его письмо, написанное в августе 1918 года одному из самых близких помощников по художественно-административной части, актеру и режиссеру В. В. Лужскому. Письмо полно тревожных раздумий о характере и содержании программы одного из первых концертных выступлений театра перед рабочей и солдатской аудиторией. Он пишет в заключение: «А Чехова надо показывать целиком. Надо скорее готовиться к спектаклю, а в концерте ограничиться отдельными выступлениями».

В осуществление этого для выступления вне стен театра «Дядя Ваня» и возобновляется. В фондах Музея МХАТ хранится записка Станиславского, написанная им в середине декабря 1918 года, незадолго до второго (21 декабря) исполнения «Дяди Вани». «...Вы знаете, что в спектакле халтурного характера я ни в каком случае принимать участия не буду...— пишет он Лужскому, особо подчеркивая в заключении:— Важно для всех нас, чтобы спектакль 21-го был не только хорошим, а потрясающим».

Строки Станиславского яснее ясного говорят о высоком чувстве ответственности, с каким относился он к «внеплановому» возобновлению любимой чеховской пьесы. И потому спектакль, казалось бы, уже давно «сданный в архив» и возобновленный «внепланово», в старом составе и старой редакции, продолжал волновать, тревожить мысль, давать глубокое художественное наслаждение. Дыхание зрительного зала вносило в этот спектакль ту остроту нового, современного восприятия, которое по-своему одухотворяло все происшедшее на сцене.

Что так именно это и было, свидетельствует такой зоркий, придирчивый наблюдатель, как В. В. Лужский, игравший во всех без исключения спектаклях «Дяди Вани», показанных с 1899 по 1928 год, роль профессора Серебрякова. Его сопоставление восприятия спектакля прежним и новым зрителем затерялось на старых журнальных страницах. Тем уместнее о нем напомнить.

«Знаменитое серебряковское «Надо дело делать», думается, имеет в ответ сейчас не только два умно и лукаво глядящих глаза Астрова — Станиславского, а большинство таких же глаз в зрительном зале. Недаром есть и ответ на них в зрительном зале, когда фраза эта прозвучит в первый раз, еще до пожатия руки Астрова, до его обращения в сторону Серебрякова поклона. Вообще эти лукавые глаза сейчас сразу чувствуются, как только этот «зубр» является на сцену...»

Обостренная неприязнь и подчеркнута насмешливое отношение к Серебрякову и «серебряковщине» стали оттеняться еще более открытым, чем когда-то, выражением симпатий зрителя к героям иного склада.

«Тот же зал и теперь протягивает исполнителю роли Дяди Вани через рампу свои руки и вместе с аплодисментами награждает его и Сою блестящими, еще полными слез восторженными глазами», — подтверждает Лужский, дополняя сказанное примечательным штрихом: «Недаром же дорогой Александр Леонидович Вишневецкий вспоминает случай, когда в голубую зиму 18-го года один из зрителей «Дяди Вани», мастеровой, охотник-любитель, принес ему им самим застреленную дробью дичь и сказал: «Возьми, это тебе за «Дядю Ваню», ты много страдаешь там».

Обратите внимание на дату: это и есть та зима, когда «Дядя Ваня» впервые пришел к новым зрителям. И этот запомнившийся исполнителю заглавной роли эпизод позволяет еще живей ощутить тональность восприятия спектакля новыми друзьями «Дяди Вани».

Это и дает основания, говоря о ленинском посещении спектакля, фиксировать внимание на определенном отрезке времени, относящемся к ранней весенней поре 1919 года, хотя широко распространенная точка зрения говорит как будто о другом. Так, в книге-хронике «Ленин в Москве» фиксируется: «Кемергерский переулоч, д. 3. Художественный театр. Зима 1920 г. В. И. Ленин смотрел здесь спектакль «Дядя Ваня» А. П. Чехова».

Никаких решительных указаний на посещение В. И. Лениным и Н. К. Крупской «Дяди Вани» нет и в подневных записях режиссерских дневников спектаклей, хранящихся в архиве Музея МХАТ. И, вероятно, этот вопрос так и остался бы без ответа, если бы не другой любопытнейший документ, хранящийся в том же архиве. Это личные дневники старшей МХАТ, артиста и режиссера В. В. Лужского, который из дня в день, из года в год scrupulously отмечал в них и спектакли, в которых играл, и события дня.

Два записи из дневника В. В. Лужского за январь—май 1919 года: «23/II—8/III. Опять «Альказар». Опять «Дядя Ваня»... 24/II—9/III. На «Дяде Ване» был Ленин. Подъехал на автомобиле, вел медленно жену на лестницу...»

Вывод очевиден. Поскольку записи Лужского датированы точно 8—9 марта, то речь должна идти о посещении Лениным спектакля «Дядя Ваня» не в «метрополи» МХТ, в Камергерском, где постановку эту возобновили значительно позднее, а на одном из выездных представлений чеховской пьесы, о которых рассказывалось выше. И было это не «зимой 1920 года», как полагали прежде, а годом раньше — ранней весной 1919-го.

Начало марта 1919 года... Только что закончился Первый Конгресс Коммунистического Интернационала, в подготовке и проведении которого решающая роль принадлежала Ленину. На Конгрессе он сделал программный доклад — о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Шесть дней работы Конгресса потребовали от Владимира Ильича, лишь недавно оправившегося от болезни, огромного напряжения сил...

С просторов большой жизни, в ритме великого созидания и напряженной борьбы переносился, придя на спектакль, Владимир Ильич в атмосферу давних чеховских «сцен из деревенской жизни»... Он шел смотреть «Дядю Ваню», едва театр успел возобновить давно не шедшую постановку. В этом по-своему сказался и страстный интерес его к чеховскому творчеству, и желание, наконец, увидеть чеховский спектакль Московского Художественного, и стремление непосредственно самому узнать, как будут воспринимать горечь судеб и полет мечты героев Чехова строители новой жизни.

Остается внести последнее уточнение. Из записей Лужского следует, что «Дядя Ваня» шел на выездных спектаклях и 8 и 9 марта. Какой именно из этих спектаклей смотрел Владимир Ильич?

Судя по материалам Института марксизма-ленинизма, фиксирующим даты жизни и деятельности Ленина, день 8 марта был у него загружен чрезвычайно. Иное — 9 марта. Это было воскресенье. В картотеке Института марксизма-ленинизма за этот день — ни единой записи! Ни одного заседания! Ни одного выступления! Не зафиксировано даже ни одной подписанной им бумаги, датированной тем числом. Отдых так отдых! И посещение в такой день постановки пьесы любимого автора в исполнении любимых артистов более чем закономерно...

Воспоминания В. И. Качалова и рассказ Н. А. Подгорного дополняют характерными деталями малоизвестное свидетельство еще одного из старейших артистов театра — Константина Михайловича Бабанина (1894—1966), которому так же, как и Подгорному, довелось в тот вечер увидеть Ленина в зрительном зале, причем было это не в «Альказаре», а еще в одном помещении МХТ — в зале Первой студии.

«Сезон 1918/19 годов Первая студия Московского Художественного театра на Советской площади. Маленький зрительный зал, еле вмещающий 150 человек. Здесь создавались первые спектакли молодой студии. Здесь же иногда выступала и основная труппа МХТ с выездными спектаклями, — рассказывает К. М. Бабанин. — Однажды я был в зрительном зале и вдруг увидел во втором или третьем ряду Ленина. Владимир Ильич сидел и смотрел спектакль, как самый обыкновенный зритель. Что меня сразу поразило в Ленине — простота. Не было в нем ничего парадного, подчеркнутого, показного. Он мямля программу в руках и что-то оживленно рассказывал своим спутникам. Очевидно, шутил, так как часто и весело, заразительно смеялся. От всего его облика веяло какой-то бодростью и задором...

Когда спектакль кончился, то Ленин вместе со всеми зрителями здесь же в толпе направился к выходу. Это меня особенно поразило. Я даже постарался ближе пробраться к Владимиру Ильичу, чтобы расслышать его слова».

На этом рукописи воспоминаний К. М. Бабанина обрывается. Его соотавари по театру помогли нам расслышать ленинские слова. И они живут в нашей памяти, как еще одно свидетельство оценки Лениным той высокой творческой общественной миссии, которую осуществлял театр в первые октябрьские годы, неся новому зрителю жизненную правду, поэзию чеховской мысли.